

Визуальная антропология (рассказ)¹

Посвящается МП и МГ, моим учителям

– Так какая, ты говоришь, антропология?

– Визуальная. Визуальная антропология. Ну, черт с ними, с терминами!

Ты поедешь со мной или нет?

– Послушай, что ты там хочешь найти в этом полувымершем селе? Какой фильм? Ты знаешь, что этот... как его – Мокрый твой – он даже не на федеральной трассе располагается? Там самые лучшие дома стоят раз в сорок дешевле твоей никудышной видеокамеры!..

– Я знаю, что камера у меня плохая. Зато у тебя – самая замечательная!

– Филимонов при этих словах сразу смягчился. – Так поедешь или нет? Слушай, там природа, воздух, – в конце концов девчонку себе какую-нибудь сельскую присмотришь? А?

– Чур меня! У меня есть знакомый один, телемастер, – как раз из тех мест, так он мне неоднократно божился, что в тамошних лесах военные свалку из негодного химического оружия сделали! Представляешь, какие там девки водятся?

– Брось! Ну, что я тебя уговариваю: ведь сам без работы второй месяц сидишь, а тут – грант! Гра-ант, понимаешь? Денежки! Я тебе червонец за неделю фактического отдыха предлагаю!..

– Знаю я твой отдых: вставать, наверное, часов в пять каждое утро придется...

В общем, Филимонов ворчал еще полчаса, но в итоге – и это важно – согласился.

---

¹ Впервые опубликовано: Карамзинский сад. Ульяновск, 2010. №3. С. 6-21.

Грант достался Большакову почти играючи: какая-то грантовская муза посетила, вероятно, Сашу в тот вечер, когда он за час состряпал заявку и отправил ее по e-mail'у на удалую. Он сейчас уже сам с трудом вспоминал, что же составило содержание заявки и каковы будут, так сказать, результаты научной деятельности.

Он хотел снять фильм – только и всего.

Кандидатом ист. наук Большаков стал года три назад. Тема диссертации была связана с наличниками нескольких сел одного из районов нашей небольшой области. Работал он над диссером увлеченно, но после защиты к теме как-то охладел...

По глубокому убеждению Саши, снять фильм – дело мудрёное и простое одновременно. Тут всё зависело от удачи; однако после такого неожиданного случая с получением гранта Большаков в свою звезду поверил безоговорочно.

Село Мокрый Сункар было выбрано почти случайно, вероятно, по принципу: чем глуше – тем лучше. Однако (как потом заверял Большаков) при очередном осмотре карты области, когда взгляд его остановился на названии именно этого села, сердце его мучительно-сладко заныло, родственники грантовской музы запели совсем рядом – и он доверился своей интуиции целиком и полностью.

Столько сил на уговоры Филимонова – своего старого университетского приятеля с соседнего факультета – Саша затратил по нескольким причинам: во-первых, уговаривать все равно пришлось бы, так как Ленька уговоры любил; во-вторых, он считался одним из лучших телеоператоров города, хотя из-за своего характера долго нигде не задерживался. Наконец, вдвоем всегда сподручнее, тем более в таком ответственном деле, как Фильм: кто-то же должен контролировать камеру, о коей в процессе работы Большаков часто забывал.

Ехать решили на доставшейся от отца большаковской «копейке» (отец благополучно отъездил на ней тридцать лет и расставался с ней, как с

любимой, но уже изрядно поднадоевшей женщиной, – стеная и радуясь одновременно). О возможном пристанище на неделю Саша хотел договориться на месте, когда приедут в село, но тут вечно ворчавший Филимонов вдруг предложил готовый вариант: оказывается, он созвонился со своим другом-телемастером, упомянутым выше, и тот согласился – можно сказать даром – предоставить свою пустующую избу в распоряжение друзей.

Большаков, было, засомневался: опыт показывал, что готовые варианты Филимонова часто заканчивались плачевно, однако лето есть лето: в золотую августовскую пору можно переночевать хоть в халупе. Приехав на место, Большаков убедился в справедливости своего последнего предположения.

Впрочем, вечерние мокросункарские виды быстро выветрили печаль по этому поводу из сердца начинающего визуального антрополога. Протарахтев на «копейке» через всё село, они уже в сумерках (или, как говорили местные, «в сутисках») стали обосновываться в избе телемастера.

Несмотря на обилие сваленных в сарае электроприборов, электричества не было. Филимонов наладил его только утром следующего дня, так что ужинать пришлось при свечах. С молчаливого согласия Большакова Ленька водрузил на стол перцовку и две походные рюмки. «Чтобы дело спорилось!» – предложил тост Филимонов, Саша кивнул и опрокинул рюмку. Совершив сей ритуал, они стали готовиться ко сну.

У окна стоял большой старый диван, который Большаков сразу окрестил «клоповником» и великодушно уступил его Леньке. Сам он решил избрать в качестве лежбища кровать с металлическими пружинами, стоявшую ближе к печке, оправдывая это тем, что у окна его обязательно продует. Филимонов, которому всегда было душно, согласился без обычного ворчания. Саша быстро устроился на свое место, решив перед сном поразмыслить о своих завтрашних планах. Кровать проседала почти до пола, оставляя голову где-то далеко вверху, но Саше это даже нравилось. В приятной полудреме (было умеренно свежо; свой убаюкивающий концерт

затеяли местные насекомые) он еще долго слышал, как чертыхающийся Ленька искал во дворе туалет...

...

Проснулся он около восьми и, вскочив с кровати, сразу принялся за осмотр техники: так, диктофон есть, фотоаппарат, видеокассеты, блокнот...

Не хватало мелочи: определиться, куда пойти в первую очередь. Этнографический полевой опыт – пусть небольшой – у Саши имелся. Для начала он решил опросить соседей, а затем уже ближе к обеду выйти на местных звезд – здешнюю администрацию: им нужно представиться обязательно, иначе можно кровно обидеть. Всё-таки не каждый день к ним приезжают кандидаты наук фильмы снимать. Впрочем, опять же – как показывал опыт, местное руководство обычно хорошо справлялось с функциями благословления на работу и иногда помогало дельными советами, к кому сходить в первую очередь.

И, правда, кого же искал Большаков в этом селе? Этим вопросом он задавался постоянно, но ничего, кроме как неопределенного: «найти личность поярче», он сформулировать не мог. Ну, конечно, в первую очередь его интересовали местные старожилы, знатоки традиции, ремесла; быть может, – местные знахари и балагуры. Но все это – и то, и не совсем то. «Ищу личность!» – так сумбурно сформулировал для себя свою утреннюю цель Большаков и, допив кофе, отправился «в шабры». Филимонова он решил пока не брать, чтобы, как он объяснял себе сам, «не распугать местных»: Ленька был человек прямодушный и наставить – безо всяких объяснений и предупреждений – на человека объектив камеры было для него делом привычным и само собой разумеющимся...

В шабрах с населением оказалось негусто: слева пол-улицы заброшено, справа – через дом – жила баба Катя Фолунина. С ней Саша просидел до самого обеда, пока на сотовом, поставленном на беззвучный режим, не высветилось 11 пропущенных вызовов – дело рук заскучавшего Филимонова.

Баба Катя оказалась великолепной рассказчицей и даже песенницей. В середине разговора, несмотря на попытки остановить ее, предпринимавшиеся со стороны Саши (все-таки бабушка давно разменяла восьмой десяток), она полезла на подловку и приволокла оттуда заиндеветшую от старости прялку и донце к ней. Большаков забыл про все на свете – даже про фильм: дальше пошли рассказы про оборотней и колдунов, затем перешли на местных мастеровитых людей: оказалось, что Мокрый славится, в основном, кузнецами и гончарами. «Но щас, сынок, они зараз все повымерли: надо было тебе сюды лет тридцать назад приехать». Договорившись с бабой Катей, что, возможно, заглянет к ней еще раз, Саша неохотно распрощался с соседкой и вернулся в избу телемастера.

Филимонов встретил его на крыльце в обнимку со штативом и с сигаретой в зубах. В его глазах светилась нешуточная готовность работать... Саша в общих словах рассказал ему о своей первой удаче. Как ни странно, наиболее привлекательной ему показалась не совсем лестная в устах бабы Кати характеристика местного колдуна – личности, как он понял, незаурядной. Однако здесь всё нужно было проверить самому. Фолунина отзывалась о нем со всей непосредственностью: «Какой он колдун – так, пьянь одна. Приехал сюды откель его знает!.. Ну, ездют к нему, ездют, – лечатся, вроде как... Но ты, Саша, к нему не ходи: у нас есть вот на Верхней улице тетя Маня Марусина, вот она помогат. А этот – ни рыба ни мясо...».

Саша, конечно, решил сходить и к колдуну, и к тете Мане Марусиной. Но сначала надо было все-таки совершить визит вежливости в местную администрацию. Тут представительный вид Ленки со штативом и большой видеокамерой как нельзя кстати.

Наскоро перекусив, друзья отправились в центр села. На белесорозовом выдавшем виды здании администрации висел пудовой замок, однако проходившая мимо женщина тут же посвятила приехавших во все тонкости местной дипломатии. Оказывается, сегодня день субботний и нерабочий, но, ежели очень надо, то Людмилу Анатольевну – главу администрации – всегда

можно обнаружить в данное время на задах ее собственного дома, где она наверняка занимается обработкой лука.

Последовав указанию, гости быстро обнаружили искомый пятистенный шатровый дом. Людмила Анатольевна, оказавшись приятной во всех отношениях дамой лет сорока пяти, мило заулыбалась, вытерла испачканные после лука руки о свой передник и сразу же попросила друзей в дом на чашку чая.

Восшествовав в дом, Филимонов с победным видом разместил свой штатив и сумку с видеокамерой возле широкого дивана, на который пригласила его сесть великодушная хозяйка. Большаков, как всегда не утерпев, тут же начал расспрашивать главу про местную жизнь. В течение каких-то пяти минут Саша, используя, вероятно, магические слова «университет», «грант», «научно-исследовательская экспедиция», а главное – «фильм как итог работы», сумел так расположить к себе хозяйку, что та не отпустила их часа три. Филимонов даже несколько раз по специальному знаку Саши распаковывал видеокамеру и, как он громогласно объявлял на всю избу, «делал пробные съемки», объектом коих была, конечно, очаровательная глава.

Это окончательно растрогало Людмилу Анатольевну, и та пообещала «всяческое содействие данному научно-исследовательскому проекту». Это в свою очередь так растрогало Филимонова, что он потратил на видеосъемку почти целую кассету из десятка имеющихся. Когда они уже ближе к вечеру вернулись в избу, ставшую им временным домом, Ленька тайком от Большакова спрятал отснятое, потому что знал, что Сашка, скорее всего, заставит его стереть записанное: драгоценных видеокассет слишком мало, а впереди – недельная работа. Но Филимонов точно следовал своей давно установившейся верной примете: хочешь получить хорошую съемку – никогда не стирай первые материалы.

Мысленно подводя итоги дня, Большаков признал их удачными: есть несколько часов аудиозаписи бабы Кати и более-менее четкие сведения о том, кого посетить завтра.

В разговоре с главой администрации Большаков попытался осторожно навести справки насчет «колдуна» и подсказанной бабой Катей знахарки, но, как и ожидал, получил их весьма нелестные характеристики.

«Вам бы лучше съездить в Новостепаново, – мечтательно произнесла в этом месте беседы Людмила Анатольевна. – Сама я оттуда. Вот там действительно и этнография самая настоящая, и этот самый... фольклор. И люди там получше. А здесь... Не тот народ здесь. Говорят, что даже церковь здесь была раньше старообрядческая. А кулугуры – они, сами знаете, народ не больно общительный...».

Впрочем, поход к главе вовсе не был пустой тратой времени, поскольку она назвала целый ряд жителей, к кому, по ее мнению, надо было попасть в первую очередь. Как оказалось позднее, беседы с ними стали настоящим открытием для Большакова. И в то же время он понимал, что все эти материалы не смогут стать центральным сюжетом фильма. Здесь нужно было что-то еще, другое. И именно это «другое» он искал в первую очередь.

За ужином Филимонов достал початую перцовку и наполнил традиционные рюмки. «За продуктивно начатую экспедицию!» – произнес он. «Аминь», – поддержал его Большаков и пригубил перцовку. Уже опорожнивший свой сосуд Ленька осуждающе качал головой: «Не принимается. Такой тост – до дна!». Саша обреченно перекрестил рюмку и допил.

Августовские ночи становились все холоднее. Слушая спящего и мерно посапывающего на своем диване Леньку, Большаков записывал в блокноте, который обычно выполнял у него функцию полевого дневника: «Если в центре сюжета фильма будет «колдун» (по-моему, б. Катя его назвала «Толей»), то необходимо зафиксировать на видео мнения о нем окружающих. Людмилу Анатольевну мы уже, кажется, засняли. Надо бы

завтра сделать несколько кадров с бабой Катей и, наконец, организовать личную встречу со знахаркой и этим самым «Толей». Кроме того, нужно пройтись по всем, кого назвала глава. Беречь видеокассеты не стоит – чем больше материала, тем больше шансов добиться желаемого.

А чего я собственно хочу? Живой жизни хочется. Суметь показать жизнь целостной личности, уловить в нескольких минутах судьбу человека, а вовсе не снять очередную иллюстрацию к какому-то перечню традиционных знаний. Именно поэтому не концентрируюсь я, как обычно, на песенниках-рассказчиках, кузнецах-валяльщиках валенок и иже с ними. Конечно, любой из них может стать центром фильма, но любой ли сможет раскрыться до живой жизни? Здесь, вероятно, многое, если не всё, от меня зависит, а не от них... И здесь, скорее всего, не неделя нужна, а годы... Ладно, посмотрим».

Выронив ручку, Большаков зарылся в одеяло. Нижняя часть тела, как всегда, спружинив, ушла постепенно к полу, а голова вознеслась вверх. За печкой завел песню сверчок; ветер упрямо стучал в окно веткой невидимого дерева. Но Саша уже этого не слышал, погружившись в сон.

...

Когда Большаков открыл глаза, была всё еще ночь. Филимонова слышно не было. Прислушавшись, Саша вообще не уловил ни единого звука, и это его насторожило: должно же как-то проявлять себя ночное село. Хоть бы соседская собака проснулась и хрипло заворчала бы на кого-нибудь или цепью погромела. Никого...

Спустив ноги с кровати, Саша решил прогуляться на двор. Свет от далекого и единственного на две улицы фонаря едва поблескивал в темноте, сливаясь со звездами. Вернувшись, Большаков увидел какого-то человека, склонившегося над столом и что-то записывающего в его, большаковский, блокнот. Услышав вошедшего, человек повернулся, и Саша на мгновение увидел худощавое лицо незнакомца...

Тут что-то назойливо запищало, запикало, и Большаков услышал ворчание Леньки: «Да выключи ты свой будильник, третий раз пиликать начинает!». Большаков вскочил с кровати и понял, что увиденное было только сном.

Одевшись, он побежал смыть с себя остатки сновидения. Однако прохладная вода не помогла, и воспоминания о сне стали лишь четче. Во время завтрака, заметив молчаливость Сашки, Филимонов встревожился: «Ты что это, брат, печалуешься? У нас работа только начинается, а ты уж хандришь». Большаков сослался на головную боль и предложил временно воздержаться от перцовки, что навело печаль уже на Леньку.

Чуть погодя визуальные антропологи отправились к соседке бабе Кате. Камеры она сперва стеснялась, но Саша быстро занял ее разговором, и та охотно пересказала несколько случаев излечения у местной знахарки. К тете Мане Марусиной Фолунина сама обращалась неоднократно: сначала с маленькой дочкой – у той был испуг, затем хворь получилась с коровой. Что касается колдуна «Тольки», то он всего «лет десять назад здесь объявился, и сама я никогда у него не была. Но люди калякают, что и гадает он, и порчу снимает. А какую порчу, – когда он в Бугульме полжизни клоуном проработал!».

Большаков сначала подумал, что ослышался: «Как клоуном?» – «Да так, милый, как клоунами по циркам работают – и он эдак же».

Саша снова уловил где-то внутри себя звуки песен сладкоголосых родственников грантовской музыки...

Выяснив, где проживает «онный клоун», как выразился шутник-Филимонов, друзья отправились в сторону школы. Именно там, по словам Фолуниной, проживал местный колдун. Тетя Маня Марусина жила чуть дальше – на Верхней улице.

Школа была расположена недалеко от автобусной остановки на естественном возвышении. Не доходя до нее, друзья слышали крики, доносящиеся от одного небольшого, словно вросшего в землю дома. Спустя

несколько минут по содержанию криков стал ясен общий смысл происходящего: чья-то жена выражала бурный протест против того, что муж злоупотребил уже с утра. По какому-то наитию Большаков догадался, что разыгрываемое действие вскоре должно переместиться на улицу. «Камеру! Немедленно доставай камеру!» – зашептал Большаков. Недоуменно покосившись на друга и заметив хорошо знакомый ему блеск в глазах Саши, Ленка начал неторопливо расстегивать сумку. «Да ну давай же, что ты возишься!» – торопил Большаков, пританцовывая от нетерпения. Филимонов, всё так же не торопясь, извлек свое сокровище на свет и начал доставать штатив. «Бог, Бог с ним с твоим штативом!.. Послушай, это очень важно: снимай всё то, что сейчас будет происходить возле того дома, займи удобную позицию!». Филимонов обреченно вздохнул и начал бормотать что-то про «баланс белого», но Большаков уже не слушал и застыл в ожидании.

Когда наконец камера была готова, словно по заказу дворовая дверь настежь распахнулась и оттуда, как черт из табакерки, вылетел тоненький, небольшого роста мужичок лет шестидесяти. Под мышкой он бережно держал что-то свернутое в газету. Через мгновение за ним следом выбежала грузная женщина с платком на голове. «Я тебе покажу, лечится он! Лечится-калечится! Пьянь!.. Пьянь!». Мужичонка, отбежав от двери и встав почти посередине улицы – одной ногой в колею, проделанную колесом автобуса, – прокричал ей в ответ: «Лечусь! Да, лечусь! Ты жизни моей не знаешь, какую я прóжил. Я, если пить не буду, всю болезнь на себя возьму! Говорил же тебе сто раз!».

«Говори-ил!.. – передразнила его жена и вдруг как-то сразу успокоилась. Затем она глубоко вздохнула и, не сделав далее ни шагу, опустилась на лавку под окнами избы. – Пьянь ты, вот кто! Зла не хватает на тебя. И зачем... – она взяла правой рукой передник и вытерла им вспотевшее от крика и бега лицо. – И зачем я только за тебя пошла, знала ведь, знала судьбу свою...».

Тут только мужичонка обнаружил стоявших с камерой и, потеряв всякий интерес к жене, засеменил в их сторону. «Снял? Всё снял?» – прошептал Большаков. «Да куда оно денется?» – ответил Филимонов, всё еще глядя в объектив. «Это вы не по поводу колодца нашего здесь?» – еще не доходя до друзей, спросил мужичок. У него был чуть тягучий и временами напоминающий женский голос. Большаков умело вывернулся из ситуации, ответив вопросом на вопрос: «Вы не Анатолий Михайлович?» – «Он самый буду! А вы откель?».

Через минуту антропологи уже сидели на лавочке рядом с супругами, которые совершенно забыв про ссору, наперебой отвечали на вопросы Саши. Камеры они, казалось, не замечали, но потом «дядь Толя», как отныне именовали его друзья, повернулся в сторону стоявшего Филимонова и огорошил его ровно следующим: «Да сядь ты, поговорим! Всё равно ничего не будет писать твоя камера. Белое пятно будет!». Это было сказано с такой уверенностью, что забеспокоился даже всегда непоколебимый в отношении своей техники Ленька. Впрочем, по незаметному знаку Саши, Филимонов все-таки временно выключил камеру, и беседа благополучно продолжилась далее.

Спустя час разговор пришлось прервать, поскольку у супругов нашлись срочные огородные дела. Однако они охотно согласились встретиться с гостями вечером этого же дня.

Для предварительных сведений записанного было вполне достаточно. Как только друзья отошли от избы колдуна, Саша потребовал проверить, всё ли записалось. После того как Филимонов заверил, что все записи в порядке, Большаков радостно зашагал далее. Друзья решили вернуться к себе, дабы перекусить. Затем было решено добраться до дома знахарки тети Мани.

«Мне кажется, что супруга во многом сковывает его...» – сказал вдруг за обедом Саша. «Кого? Колдуна твоего, что ли?» – усмехнулся Филимонов. «Ну, да...» – «И сдался тебе этот клоун? Чего ты в нем нашел?» – «Нет-нет.

Что-то есть: видишь, как он сегодня умело сворачивал с темы своей биографии, – одна и та же пластинка про приезжающих к нему клиентов...».

«Слушай, – неожиданно предложил Ленька, – а может, его к нам пригласить, в нашу мужскую компанию? Нальем ему перцовки, посидим, как мужики, вот он и запоеет, как надо?» – «Да как... как надо? – Большаков недовольно отодвинулся от стола. – В том-то и дело, что необходимо создать какую-то естественную для него ситуацию, вот как сегодня, когда они нас не замечали».

«Не знаю, – пожал плечами Ленька. – Что может быть естественнее, чем выпить с мужиками?» – «Да вот и я не знаю... – задумчиво ответил Саша. – Давай всё-таки попробуем сегодня организовать съемку у него дома, а там – посмотрим».

Немного передохнув, визуальные антропологи двинулись на Верхнюю улицу. Встретив по дороге молодую женщину лет тридцати, они решили уточнить, где живет Марусина. Женщина, оказавшаяся учительницей мокросункарской школы, солидно расспросила гостей о целях их приезда и предупредила: «Вы только учтите, у ней недавно сын умер. Сегодня сорок дней справляют». Большаков замер: «Может, и не стоит тогда беспокоить?» – «Ну что вы, она будет только рада гостям, – что еще кто-нибудь ее Владика помянет...».

Поразмыслив, друзья все-таки решили навестить тетю Маню – скорее, для того, чтобы договориться о встрече на будущее, чем для беседы.

«Слушай, – сказал Филимонов другу, пока они шли к избе Марусиной. – Я вот слышал, что у знахарей да колдунов часто неблагополучие какое-то встречается либо по судьбе, либо со здоровьем они маются... Ты что по этому поводу думаешь?» – «Бог его знает! – поежился почему-то Саша. – Дело это темное: однозначно что-либо сказать нельзя...» – «Ну, вот, – заворчал Ленька, – а еще ученый называется. Моченый...».

У дома сидело несколько богомольного вида старушек в черных платках. Друзья поздоровались и, спросив «теть Марусю», зашли в избу.

Обед давно кончился, душу уже тоже проводили. В избе было очень тихо: слышен был только пощелкивающий звук старого черного электросчетчика и иногда раздавался треск лампадки, горевшей перед иконами.

Большаков решил, что в доме вообще никого нет, но тут он заметил какое-то движение на небольшой кухне, основную часть которой занимала русская печь. Спиной к ним стояла низенького роста бабушка, одетая во всё черное. Она тихо водила рукой по тарелке, на которую тонкой струйкой текла вода, и, вероятно, совсем забыла о том, где находится. Филимонов, не выдержав тишины, шумно опустил тяжелую сумку с видеокамерой на пол. Старушка обернулась и, ничуть не удивившись, кивнула им. Саша негромко поздоровался и в двух словах рассказал о цели прихода: что вот, мол, «интересуемся жизнью бывалошной, нельзя ли немного посидеть – поговорить». Тетя Маня внимательно посмотрела на Большакова и закивала: «Я вас щас накормлю, а после расскажу, что знаю». Саша внутренне обрадовался. Старушка быстро засуетилась, откуда-то появилась совсем молодая девчушка, лет двенадцати, видимо, внучка – всё у них вместе с бабушкой заспорилось, и через пять минут перед гостями стояли грибной суп, гороховая каша, кутья, кисель и, конечно, граненый стакан водки. Теперь внутренне обрадовался Лёнька...

Пригубив водку, Саша осторожно затеял разговор. Он очень не любил быть в тягость кому-нибудь и при малейшем сигнале об этом со стороны уже понравившейся ему бабушки собирался ретироваться. Однако тетя Маня, судя по всему, сама была рада отвлечься от своих горестных воспоминаний и с охотой отвечала на вопросы «сыноньки», – так она в мгновение ока окрестила Большакова.

Филимонов, окончив второе и добравшись до дна заветного стакана, с необыкновенной ловкостью установил на штатив видеокамеру и затих за объективом. Беседующие в это время плавно перешли на тему заговоров. «Заговариваю, сынонька, как же. Вот, бывалача, придут: у кого зубы болят, у кого в спине ломота – я пошепчу, поговорю; всё – как рукой смет...».

В это самое мгновение, к большому удивлению Саши, со стороны молчаливо работающей видеокамеры что-то крякнуло и раздалось многозначительное: «Ага-а!». И в этом «ага!» Большаков с ужасом ощутил отдаленное эхо утренней перцовки, а главное – почти опорожненный стакан водки, которые, вероятно, поддерживая друг друга, наконец-то добрались до недавно столь ясного сознания Филимонова.

Ленька залихватски выглянул из-за камеры и слегка штормящей поступью приблизился к беседующим: «И вот, тётъ Мань, у меня сёдня как раз зуб мудрости ломит! Ну, снизу который – я тебе, Сашка, сто раз говорил, помнишь? И ночью еще донимал. Полéчите, тётъ Мань?». Не дожидаясь ответа, Филимонов бухнулся на табуретку рядом со старушкой и замер в ожидании исцеления.

Большаков почти зажмурился от негодования: со стороны казалось, что он ждет праведной молнии с небес, которая поражает всех так не вовремя напившихся Филимоновых. Однако, к повторному удивлению Саши, молнии не последовало, а бабушка тут же спрыгнула с лавки и начала уточнять расположение всех больных мест Леньки. Большаков рванулся к видеокамере...

Спустя два часа друзья уже шли по мокросункарской улице в направлении своего пристанища. Лицо Леньки сияло так, как может сиять лицо человека, только что сдавшего экзамен на отлично – это при том, что выучил он единственный билет, как раз тот, который достался.

Большаков уже обдумывал предстоящую беседу с колдуном. Для съемок разговора с бывшим клоуном он решил использовать сразу две видеокамеры: это позволит при монтаже более свободно сочетать различные ракурсы и, быть может, повысит шансы реализовать главную цель поездки...

Зайдя в избу телемастера, Саша сразу бросился проверять готовность второй видеокамеры. Филимонов стащил с себя сумку и кинулся ничком на диван. С минуту оттуда доносились жалобы на судьбину, затем несколько раз было упомянуто о переставшем болеть зубе. Спустя еще минуту со стороны

дивана раздался богатырский храп такой силы, что, как показалось Большакову, даже давно высохшие мухи, третий год отбывавшие срок в межстекольной тюрьме, вдруг вздрогнули и запросились на волю.

Саша решил дать ему час выспаться, но затем понял, что совершил роковую ошибку. Разоспавшийся Филимонов был совершенно не способен призвать себя к ответственности и, несмотря на ощутимое воздействие большаковских попыток его поднять, героически отказывался просыпаться.

Когда уже совсем стемнело, Ленька раскрыл глаза и, встав с дивана, молча удалился во двор. Его не было так долго, что Саша забеспокоился и вышел его искать. Он обнаружил Филимонова, живописно расположившегося на крыльце – с сигаретой в зубах и бездонным взглядом, устремленным к звездам. Было тихо.

«Знаешь, – вдруг необычайно серьезным и хриплым после сна голосом произнес Ленька, обращаясь, скорее, ко всепрощающему крыльцу, нежели к стоявшему за его спиной Саше, – в детстве, лет пять мне было... А у соседей собака была – такая белая с большой красной пастью. Кажется, Бимкой звали. Так вот она однажды сорвалась и укусила меня – вот за лодыжку. – Филимонов засучил штанину и показал забытые временем небольшие шрамы. – Я тогда спать совсем перестал и заикаться начал. Меня мать к бабке одной возила – похожей на ту, у которой мы сегодня сидели... – он затянул в себя дым и помолчал. – Мы к ней раза три ходили... И всякий раз, как она пошепчет, я спать хочу – умираю просто. Мать меня полдороги обратно всё на руках тащила. Вот и щас то же самое...».

Некурящий Большаков спросил у друга сигарету, и они еще долго смотрели на постепенно исчезающее в вечерней мгле село, слушали переговоры мокросункарских собак и строили планы на завтра.

...

Проснувшись, Саша почувствовал на себе чей-то взгляд. В избе был сумрак, но очертания даже мелких предметов были хорошо различимы –

словно кто-то невидимый придал им дополнительную четкость остро подточенным простым карандашом. Затем Большаков ощутил тяжесть где-то в ногах: некто сидящий на его кровати начал устраиваться поудобнее. Никакого страха или удивления Саша не испытывал. Тело отказывалось подчиняться, однако Большакову всё-таки удалось вытянуть шею и приподнять голову – для того, чтобы разглядеть гостя. Это был уже знакомый худощавый старик, прошлой ночью писавший что-то в блокноте. Несмотря на то, что на голове сидящего болтался нелепый шутовской колпак с заостренным верхом, Большаков мгновенно узнал местного колдуна.

«Мы к вам собирались – да вот видите: не смогли сегодня...» – начал почему-то оправдываться Саша. Колдун быстро поднес свой палец к губам и совершенно по-глупому зашипел: «Щ-щ-щ! Филимонова разбудишь – уйти мне придется!» – затем он свесил голову с нелепым колпаком на бок и стал чесать рукой редкую бороденку. Саша начал сожалеть о том, что видеочамера очень далеко и руки совсем не слушаются.

«Я ведь вообще не хотел вас в село пускать, – снова зашептал бывший клоун, – а потом думаю: пусть его, молодым везде у нас дорога... Ты вот, Саш, скажи: я тебе махорку свою давал? – Большаков покачал головой. – Вот видишь: самое главное да и забыл. Ну, ничего завтра у Филимонова спросишь – он у меня уж успел стрельнуть. Махорка, брат, это такое дело: ее не каждый правильно сотворить сможет. Ежели захочете – научу...». Он надолго замолчал и закрыл глаза. Саше тоже очень захотелось закрыть глаза и, уже впадая в полудрему, он выдавил: «А фильм...». Колдун вскинул сухими ручонками и залился тихим смехом. Колпак раскачивался из стороны в сторону, как маятник на старых часах. Затем он сочувственно зашептал: «Вот ты, болезный, – всё-то тебе человека в человеке найти надо. Ты не ищи, не ищи – оно и придет. Вот махорочку завтра я тебе дам. Вот это дело!..» – и он снова тихо и убаюкивающе засмеялся. Большаков не смог больше бороться с дремой и закрыл глаза...

«Эге-гей! Труба зовет! Кто вчера рвался на запись, а сегодня непробудный, как медведь?» – Филимонов, все еще, видимо, испытывающий какое-то неудобство за вчерашнее, пытался компенсировать это бурной утренней деятельностью. Саша, как назло, чувствуя себя с утра не важно (затекла шея от постоянно вздернутого положения головы на чертовски неудобной кровати), воспринял пробуждение «от Филимонова» без особого энтузиазма. Однако поплескавшись у старого умывальника, работающего по принципу: чем чаще нажимаешь – тем меньше течет, Саша быстро улучшил себе настроение.

За завтраком они совсем развеселились и стали обмениваться привычными подколами: особенно старался Филимонов, который, между прочим, несколько раз прошелся по красоте местных «представительниц женского населения». «Кстати, – оживился Саша, – как тебе местная учительница?» – «У которой мы вчера дорогу спрашивали? Ну, ничего-ничего. Стара уже, конечно, но тем не менее, это лучшее, что я успел заметить!». Тут Филимонов нагнулся к своей заветной сумке с видеокамерой и из бокового кармашка достал небольшой сверток из газетной бумаги. У совсем забывшего про ночной визит Саши вдруг потемнело в глазах. Ленька, ничего не замечая, продолжал разглагольствовать о женской красоте. «Это у тебя... что?» – выдавил наконец Саша.

«А-а! Это ты пока вчера с супругой дяди Толи отвлекся на тары-бары, я делом занимался: знаешь, чего у него в сверточке под мышкой было? Э-э, брат, самого главного ты и не заметил: ма-хор-ка! Слышал такое? Удалось стрельнуть: самосад чистой воды, яко слеза младенца. Будешь?». Саша справился с собой и не стал ни о чем рассказывать Леньке. Они вышли на крыльцо.

«Махорка – она подходу требует, – продолжал петь Ленька. – Как женщина, честно слово! Вот ты думаешь, я тебе скручу ее из газеты? Е-рунда! Весь вкус утратишь. Смотри и учись!». Филимонов извлек из кармана пачку «Беломора», точными, почти ласковыми движениями удалил оттуда

табак и стал понемногу, порция за порцией, забивать в образовавшуюся полость махорку. Через десять минут изделие в двух уникальных экземплярах было готово. Друзья закурили. Саша сначала неумело закашлялся, затем приспособился и стал дымить не хуже Филимонова. Некоторое время курили молча. Затем Ленка не выдержал и начал сопровождать действие побрякиванием и постаныванием, изображающем высшую степень удовольствия. У Саши драло горло, но общие ощущения были странно приятными. Голове стало легко-легко и почему-то вспомнилось лицо встретившей их вчера молоденькой учительницы.

«Идем!» – решительно произнес Саша, и они, собравшись, отправились к дому колдуна.

Подойдя к знакомой избе, друзья долго колотили в раму, пытаясь достучаться до хозяев. Через некоторое время из соседнего дома выглянула взъерошенная голова дородного старика, который голосом батюшки, проповедующего с амвона, произнес: «На огороде они, картошку подкапывают. Тропкой идите – они ждут вас». Идя по указанной тропинке, Филимонов комментировал: «Слыхал? Этот, с голосом, как паровозная труба, сказал, что ждут они нас? С чего вдруг? Ты что вчера бегал к ним, предупреждал? Нет? Удивительный случай! Может, и правда: колдун твой клоун? Шучу...».

На задах за домами располагались бескрайние огороды местных жителей. Вскоре друзья обнаружили две маячившие фигурки супругов: худая и маленькая держала в руках лопату; та, что побольше и потолще, копошилась с ведром и мешком.

Антропологов заметили издалека. Естественно, ни о какой полноценной записи, пока идет такая работа, речи быть не могло. Тем не менее Большаков шепотом попросил Ленку немного поснимать. Сам он подошел к дяде Толе, поздоровался и уже, было, собрался предложить свою помощь, как колдун улыбнулся и махнул рукой в сторону лопаты, лежавшей неподалеку. Большаков решил ничему не удивляться. Они неплохо

поработали в поле: раскрасневшегося Сашу сменил удалой Филимонов, после чего уже через 15 минут супругам пришлось останавливать работягу, поскольку всю картошку они выкапывать сейчас не хотели.

Затем дядя Толя уснул, жена готовит обед «молодцам», а сам удобно расположился на траве в тени.

И тогда включенные видеокамеры, два штатива и вдохновленные работой на природе собеседники наконец-то услышали историю бывшего клоуна.

Его жизнь была проста и терпка, как махорка, которую он выращивал у себя в огороде: вырос в большой семье, сам-седьмой; когда родился, думали что не жилец: оставили возле печки – отойдет-не отойдет. Ребенок пригрелся, потянулся, закричал – «до сих пор жив-здоров». 3 года отслужил во флоте на Дальнем Востоке. «Владик» (Владивосток) до сих пор вспоминает с удовольствием, хотя прошло более сорока лет. Там встретился со своей первой любовью – «Любочкой»; там же, как он предполагает, оставил ей и своего сына: уезжал – была на седьмом месяце.

Затем – возвращение в свое родное село (оно расположено недалеко от Мокрого Сункара). Два раза был женат – «до тех пор пока вот Веру свою не встретил, жену нынешнюю – третью и самую любимую». Детей у него больше не было – «Бог не дал». Когда был женат в первый раз, три года отсидел в тюрьме: «лес воровали вместе, пятеро нас было, не поделили чего-то – одного и порешили. Я-то не убивал да вот со всеми вместе и загремел».

Потом Большаков вспомнил про Бугульму. «А-а, – улыбнулся дядя Толя. – Вы и про то знаете! Было дело. Деваться некуда, а душа к этому склонна – люблю я балагурить да народ веселить. Это мы со второй женой: она меня в Бугульму увезла, городская вся такая. Вот я там через тестя моего тогдашнего в клоуны и заделался. Лет, наверно, восемь в клоунах ходил!.. А ты знаешь! Хочешь, покажу, как я по воздуху ходить могу? Хочешь?» – и глаза его загорелись каким-то детским, задорным блеском.

Большаков кивнул и сделал знак Филимонову, чтобы снял всё самым лучшим образом. Дядя Толя вскочил, сдернул с себя обувь, носки и, встав на утоптанную тропинку голыми ногами, сказал: «Снимай, снимай, Ленька! А ты, Саш, смотри, нигде такого больше не увидишь!». Он повернулся к друзьям спиной, поставил одну ногу вперед и стал, раскачиваясь и странным образом изгибая невероятно гибкие ступни ног, плавно перемещаться вперед. Филимонов следил за ним с камерой на плече. «Ну, что! – в глазах старика светилось торжество. – Видел такое, Сашка! Видел? Никогда и нигде не увидишь больше!».

Именно этот момент – когда в глазах дяди Толи светилось настоящее счастье – навсегда врезался в память Большакова. Он понял, что центр для сюжета Фильма найден. И он был так искренне рад этому, как, наверное, радовался в то самое мгновение, когда ему сказали, что у него родилась дочь...

С дядей Толей друзья встречались еще несколько раз. При прощании с ними он предсказал, что Саша и Ленька обязательно еще раз вернуться: так и было в действительности – они возвращались, чтобы добрать материал.

Во второй раз дядя Толя вышел провожать их до самого края села: «Жаль, ребятишки, что больше уже не увидимся, – сказал он, пожимая антропологам руки. – Но такова уж судьба. На роду нам так с вами написано. Махорку вам даю как напоминание: часто ее не курите. А так, когда соберетесь вместе, вспомните про Мокрый да про дядю Толю – вот тогда и дымите себе на здоровье. Ну, бывайте! Жена ждет...».

Он торопливо махнул рукой в сторону друзей и засеменял прочь. Саша завел мотор, но долго еще не двигался с места, глядя в сторону. Филимонов молчал, затем вздохнул, крякнул и заворчал: «Да поехали уж! Темно скоро будет. А махоркой – я с тобой поделюсь, обещаю».